

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. С. Туманова

Гражданское общество
и его адаптивные возможности
в кризисных условиях

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tumanova_gr.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АДАПТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Вступление Российской империи в Первую мировую войну обернулось для экономики страны необходимостью милитаризации, а для населения – потребностью в тотальной мобилизации. Потребность в мобилизации своих материальных и людских ресурсов, а также в переориентации их на решение задач воюющей державы остро ощутили и общественные организации. Милитаризация гражданского общества осуществлялась, прежде всего, под влиянием войны и ориентированной на нее государственной политики. В то же время импульс к милитаризации исходил и от самого общества. Одним словом, не только война и политика милитаризации организовывали общество, но и само общество формировало себя через войну и во имя войны [Холквист, 1999, с. 84].

Учитывая степень развития в дореволюционной России институтов гражданского общества и их вовлеченности в решение стоящих перед страной задач, позволим себе утверждать, что способность гражданского общества к самомобилизации на военные нужды определяла успех государства в тыловой его политике в годы войны не в меньшей степени, чем способность государства к перестройке аппарата управления. Эта закономерность была характерна для всех стран – участниц Первой мировой войны. Однако применительно к России – стране с авторитарной государственной традицией и разбухшим бюрократическим аппаратом, неспособным на быстрое и адекватное реагирование на «вызовы» времени, она «работала» как железное правило.

Участие России в Первой мировой войне породило серию социальных вопросов внутри страны. Одним из наиболее острых было беженство, т.е. исход населения из мест проживания, которые занял или собирался занять неприятель. Наряду с добровольным оставлением мест своего жительства существовали также факты выселения жителей из районов военных действий по распоряжению военных или гражданских властей. Действующим законодатель-

ством собственно беженцы и выселенцы объединялись в единую категорию, именуемую «беженцы» [Кустов, 1917, с. 7].

Помощь беженцам являлась одной из ключевых задач для российского гражданского общества. Под гражданским обществом автор подразумевает сеть добровольных, самоуправляющихся, организационно оформленных и нацеленных на решение общепольных задач ассоциаций, не имевших целью извлечение из своей деятельности прибыли, таких как благотворительные, научные, просветительские, литературно-художественные и иные общества. Настоящая статья призвана показать, как происходила мобилизация усилий российского гражданского общества на осуществление помощи беженцам, на основании чего, как представляется, мы сможем судить об адаптивном потенциале, имевшемся у общественности в условиях общенационального кризиса, каковым была для населения Российской империи Первая мировая война.

Основную массу беженцев в Российской империи составляли выходцы с западного театра военных действий. С начала войны и до весны 1915 г., когда основные сражения происходили в Привислинском крае, в стране преобладало стихийное беженство, носившее добровольный характер, а общая численность перемещенных людей не превышала нескольких сотен тысяч человек, большинство которых расселилось в прифронтовой полосе. Весной 1915 г., когда противник перешел в наступление на Западе России и в Галиции, наряду со стихийным беженством началось принудительное выселение военным командованием и гражданскими властями сельского населения призывного возраста, еврейских граждан и др. Сначала переселяли в рамках губерний в восточные их уезды, затем – в соседние губернии, наконец – во внутренние губернии России для разгрузки прифронтовой местности от избыточного населения. В июле-августе 1915 г. массовое прибытие беженцев с западного театра военных действий в тыловые губернии Российской империи достигло своего максимума и завершилось в ноябре-декабре 1915 г. К середине сентября 1915 г. в различных губерниях находилось около 750 тыс. беженцев, в следующие 3,5 месяца маршрутные поезда вывезли на восток еще свыше 2 млн человек [Курцев, 1999, с. 134–135]. Таким образом, летом – осенью 1915 г. беженство приобрело в России характер серьезного социального бедствия.

Разрешением проблем, связанных с беженством, таившим угрозу здоровью, семейным устоям, общественной нравственности как переселявшихся, так и окружающих их людей, занимались государство (в лице Особого совещания по устройству беженцев при МВД и его губернских и городских филиалов), органы местного самоуправления (в лице комитетов помощи беженцам при зем-

ских и городских управах) и добровольные организации. Можно говорить о своеобразной государственно-общественной организации беженского дела [Курцев, 1999, с. 139], в которой общественная составляющая играла заметную роль.

В военное время была создана сеть добровольных обществ, призванных сгладить негативные последствия беженства как системной проблемы российского общества. Значительная их часть была образована еще в 1914 г., однако расцвет их деятельности пришелся на вторую половину 1915 г. – 1916 год, когда «беженский вопрос» приобрел наибольшую остроту. Характерной чертой беженских обществ была сплоченность, стремление к объединению усилий и распределению сфер деятельности между собой, к индивидуализации оказываемой помощи. Это было вызвано желанием общественности оказать помощь максимальному числу нуждающихся.

Центральным органом по оказанию помощи беженцам в России являлся Комитет его императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет). Учрежден он был в начале войны, 14 сентября 1914 г., и оказывал беженцам различные виды помощи: выдавал единовременные пособия, содействовал отправлению беженцев на родину или на место их жительства, занимался трудоустройством способных к труду, размещал неспособных трудиться в богадельни, приюты и иные заведения и т.п. [Комитет... 1916]. Татьянинский комитет состоял под руководством члена Государственного совета А.Б. Нейдгардта (царская дочь Татьяна была почетной председательницей), пользовался правительственной поддержкой (миллионными государственными субсидиями, пособия беженцам распределял через чиновников – губернаторов, полицмейстеров, уездных исправников) [ЦИАМ, д. 23, л. 1–30]. Лишь небольшую часть поступлений давали всероссийские сборы пожертвований и взносы частных лиц.

Учредив сеть губернских отделений во главе с местными губернаторами (сначала на прифронтовой территории, а затем по всей стране), Комитет превратился в крупнейшую общественную благотворительную организацию по оказанию помощи беженскому населению. Он координировал деятельность беженских организаций в центре и на местах, финансировал их, контактировал с Особым совещанием по устройству беженцев. Современники высоко оценивали деятельность отделений Татьянинского комитета, где «...нашлись хорошие руководители, свое дело сделали и спасли не одну сотню беженцев» [Джунковский, 1997, с. 429–430].

Политизация российской общественности, наблюдавшаяся в начале XX в., не обошла беженское дело стороной. Так, в Петрограде в период пика бежен-

ского движения, в октябре 1915 г., было образовано Всероссийское общество попечения о русских беженцах. Его учредителями были поборники «русского дела» член фракции правых Государственной думы Г.Г. Замысловский, сенаторы А.А. Римский-Корсаков и М.М. Бородин. Предполагалось, что усилия этой организации дополняют правительственные действия в данной области. В сферу компетенции общества входили организация столовых для беженцев, расселение их в съемных квартирах и временных бараках, обеспечение обувью, одеждой и бельем, трудоустройство, удовлетворение духовно-нравственных потребностей, организация приютов, яслей и школ для детей, осуществление санитарного надзора и оказание юридической помощи [Писаренко, 2001, с. 18–19]. В Москве русские беженцы получали помощь от Московского отдела организации, действовавшего под началом правомонархически настроенных митрополита Московского и Коломенского Макария и протоиерея о. Иоанна Восторгова. В течение первого года деятельности, с 15 ноября 1915 г. по 1 сентября 1916 г., за помощью к московскому отделению обратились почти 5,5 тыс. беженцев. Единовременными пособиями на питание и лечение воспользовались в общей сложности около 2 тыс. человек, в питательном пункте организации столовались ежедневно до 120 человек. Религиозные и культурные нужды беженцев обслуживались двумя православными священниками, осуществлялось призрение детей, учащихся и одиноких женщин и девушек в общежитиях-интернатах и приюте [Кустов, 1917, с. 71–74].

Открывшееся в Москве в январе 1915 г. общество «Помощь жертвам войны», напротив, исповедовало либеральные ценности всеобщего равенства в правах, поэтому оказывало помощь всему населению империи без различия вероисповедания и национальности. Его учредителями выступили бывший председатель Государственной думы второго созыва Ф.А. Головин, избранный председателем организации, а также Н.В. Давыдов, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович и др. При обществе существовала разветвленная инфраструктура исполнительных комиссий: финансовой, продовольственной, помощи детям – жертвам войны, жилищной, юридической, медицинской, призрения инвалидов, что свидетельствовало о многоплановости оказываемой помощи [Русское слово, 1915, 16 января]. В обнародованной в либеральной газете «Русское слово» программе деятельности организации отмечалось, что она была намерена сосредоточиться именно на «бедствующем населении», разоренном войной либо временно потерявшем заработок. Возможный успех организации связывался с наличием человеческого ресурса – «достаточного числа идейных работников, понимающих все значение планомерной помощи населению в такой момент», его компетентностью – способностью «близко и умело подойти ко всяким формам

нужды», а также готовностью к мобилизации «общественной энергии в деле помощи ближним» [Русское слово, 1915, 25 января].

Яркой и новой для беженского дела страницей явилось создание в годы войны беженских организаций, нацеленных на оказание помощи определенным национальным сообществам. Их появление было беспрецедентным и не имевшим аналогов в довоенной истории, свидетельствовало об остроте проблемы беженства, а также о дискриминационной политике, которая проводилась правительством России по отношению к ряду сообществ (евреи, поляки). По мере того, как представители нерусских национальностей прибывали в коренные русские губернии, этническая ситуация там усложнялась.

Большое число национальных беженских организаций существовало в Москве. Для московских беженских обществ было характерно желание консолидировать усилия, что достигалось посредством создания коллективных беженских объединений. Такой организацией в 1915 г. был комитет объединенных национальных и общественных организаций г. Москвы, осуществлявший сбор и распределение между беженскими обществами Москвы денежных средств. Для привлечения финансов комитет инициировал обращение к торговым фирмам второй столицы с просьбой отчислять проценты из торгового оборота в пользу детей-беженцев и воинов [Русские ведомости, 1915, 18 ноября].

С марта 1916 г. в Москве функционировал Общегородской комитет по согласованию деятельности организаций, оказывавших помощь беженцам. Беженские общества были призваны руководствоваться нормами, разработанными Комитетом. Согласно им, беженец должен был находиться всецело на попечении той организации, на учете которой он состоял. Продовольственный и квартирный паек он мог получить только с момента своего обращения к беженской организации. При этом право на получение пайка имели только нетрудоспособные беженцы: дети и подростки до пятнадцатилетнего возраста, мужчины старше 55 лет и беременные женщины, больные при условии удостоверения нетрудоспособности врачом организации. Трудоспособные беженцы получали паек в течение двух недель, уклонявшиеся от получения работы лишались продовольственного и квартирного довольствия [Кустов, 1917, с. 8].

Одной из наиболее крупных национальных беженских организаций второй столицы являлся Польский комитет по оказанию помощи жертвам войны в Москве. Образованный в июле 1914 г. в качестве комиссии при Благотворительном обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве, Комитет приобрел статус самостоятельной организации спустя год. К 1 декабря 1916 г. в работе этой организации участвовало более

1000 человек, из них более трети трудились безвозмездно. Возглавлял комитет известный общественный деятель и поляк по национальности А.Р. Ледницкий [Кустов, 1917, с. 9–10]. Существовал Польский комитет на дотации Татьянинского комитета, средства, отпущенные ему Особым совещанием по устройству беженцев при МВД, а также на пожертвования (единовременные, членские взносы, самообложения польского населения, доходы от концертов и спектаклей и др.). Как и у других беженских организаций, львиную долю дохода организации составляли государственные средства.

С начала существования в июле 1914 г. и до 1 сентября 1916 г. регистрационным отделом Польского комитета было зарегистрировано в Москве около 91 тыс. беженцев. Почти все они воспользовались помощью организации, причем более 30 тыс. беженцев получали постоянное призвание. Все зарегистрированные беженцы были расселены по частным квартирам, убежищам и приютам для беженцев в самой Москве и в пригородах [Там же, с. 11]: Марьиной роще, Бутырках, селе Черкизово, по Ярославскому шоссе [ЦИАМ, д. 72, л. 2].

В Петрограде с начала войны действовало Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий. Учредителями являлись представители польского общества столицы – редактор журнала «Голос Польский» Р.С. Квятковский, присяжный поверенный Б.Г. Олышамовский, а также депутат Государственной думы Г.И. Свенцицкий. Общество оказывало материальную поддержку пострадавшему от военных действий населению, подыскивало работу нуждающимся и т.п. [ГАРФ, д. 121, л. 72–72 об.].

Если в центральной России действовали польские общества, то в самой Польше существовала организация, оказывавшая помощь исключительно беженцам русского происхождения. Это было Русское общество в Варшаве, основанное для объединения русского населения Привислинского края и защиты его национальных, религиозных и экономических интересов еще в 1907 г. С началом войны, нарушившей течение мирной жизни Привислинского края, Русское общество оказывало первую помощь пострадавшему русскоязычному населению края. С эвакуацией государственных учреждений из Варшавы Русское общество также эвакуировалось в Москву, где и возобновило с декабря 1915 г. деятельность. Общество выдавало целевые единовременные пособия русским беженцам из Польши, содержало для них швейную мастерскую, удовлетворяло их религиозно-нравственные потребности в храме Преподобной Ирины при Министерстве иностранных дел на Воздвиженке, предоставленном епархиальной властью [Кустов, 1917, с. 75].

Возвращаясь к национальным беженским организациям Москвы, следует упомянуть Литовский комитет по оказанию помощи жертвам войны, образованный при Литовском Вспомогательном обществе в Москве осенью 1914 г. и начавший оказывать помощь беженцам в июне 1915 г. Литовский Комитет имел традиционный для беженских обществ набор отделов: жилищный, выдачи денежных пособий, хозяйственный, медицинский, училищный, организации трудовой помощи, юридический [Кустов, 1917, с. 47].

По общему для беженских обществ правилу выделение беженцам пособий производилось только после обследования их семейного и имущественного положения. Пособиями пользовались исключительно нуждающиеся и нетрудоспособные. Безработные беженцы, способные к труду, получали только месячное пособие. Силами общества для беженцев-литовцев в Москве к октябрю 1915 г. было открыто шесть начальных училищ (в них обучалось 400 детей), детский приют, белошвейная мастерская со школой кройки и шитья и общежитие для студентов-литовцев [Русские ведомости, 1915, 7 октября]. За период с 1 июля 1914 г. по 1 сентября 1916 г. в Литовский комитет обратились за помощью 13 тыс. беженцев; 4,3 тыс. из них проживали в общежитиях Комитета, 200 призревались в приютах, интернатах и богадельне для нетрудоспособных одиноких старцев и около 8 тыс. жили на наемных квартирах по 20–30 человек в каждой. С помощью открытого обществом Бюро труда почти 1,5 тыс. беженцев получили работу [Кустов, 1917, с. 48–52].

Наряду с польскими и литовскими обществами существовали в Москве организации помощи беженцам-латышам, эстонцам, евреям и др.

Рядом с многопрофильными беженскими обществами всероссийского масштаба и национальными организациями помощи беженцам, порожденными войной, помощь беженцам осуществлял целый ряд общественных организаций, действовавших еще в довоенный период. Так, профессиональные общества были сориентированы на поддержку определенных категорий беженцев: учителей, учащихся, писателей и др.

Помощь учителям-беженцам оказывали учительские организации, развитие деятельности которых было важной составной частью активизации учительского движения в годы Первой мировой войны [Scott, 2000, р. 293–294]. В Москве заботу об учителях, прибывших из местностей, пострадавших от нашествия неприятеля, взяли на себя Комиссия о положении учащихся при Московском обществе грамотности и Московское общество попечения об улучшении быта учащихся. Помощь беженцам-учителям была поставлена здесь на твердые основания. У большинства учителей имелись бесплатные квартиры,

почти все были обеспечены одеждой и продовольствием, некоторым удалось найти работу, дети были пристроены в учебные заведения [Русское слово, 1915, 10 января; 10 ноября]. В Петрограде нужды эвакуированных учителей народных школ удовлетворяло Петроградское педагогическое общество взаимопомощи.

Итак, беженские организации времени войны служили неотъемлемой частью «оборонного потенциала» России. Они играли важную роль в мобилизации ресурсов представителей национальных сообществ империи и в развитии национального самосознания в годы войны. Российское гражданское общество тех лет было, с одной стороны, весьма эффективным, продемонстрировавшим способность к скорой адаптации и переходу на «военные рельсы», а с другой стороны, раздираемым национальными и политическими противоречиями, в которые было вовлечено население страны. Процессы милитаризации гражданского общества Российской империи, его мобилизации на нужды войны происходили под эгидой государства, органов самоуправления и при заинтересованном участии самой общественности.

Литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 121. Л. 72-72 об.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т.2.

Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М., 1917.

Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. М., 1999.

Комитет Татьяны Николаевны, 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Т. 1. Пг., 1916.

Писаренко И.С., Воценкова Н.С., Домнина Т.Г., Жукова Л.Ф. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001. С. 18–19.

Русское слово. 1915. 10, 16 и 25 января, 7, 9, 10 октября, 8, 10, 18, 30 ноября.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума) / Н.Н. Смирнов (отв. ред.), З. Галли, Р. Зелник и др. СПб., 1999.

Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 17. Оп. 93. Д. 23; Ф. 18. Оп. 93. Д. 72. Л. 2.

Scott T.S. Zemstvos, Peasants, and Citizens: The Russian Adult Educational Movement and World War I // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 293–294.